

**Ф. ЛИСТ. ВТОРАЯ ВЕНГЕРСКАЯ РАПСОДИЯ. ДИРИЖЁР Н.РАХЛИН.
СИМФОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР ВСЕСОЮЗНОГО РАДИО.
КОЛОННЫЙ ЗАЛ, МОСКВА, 1949 год**

Тарас Фисанович

Что правит человеком? Мысль или чувство, сознание или ощущение? Не знаю... Хотелось бы ответить – разум, продуманный план, взвешенная, выверенная мозгом и апробированная жизнью схема. Но как часто нечто подспудное, неосознанное, инстинктивное побуждает нас воспринимать мир в необычном и незнакомом обличье, понуждает к непродуманным спонтанным порывам или, гвоздём засев в подкорке и даже где-то глубже, в недрах нашего естества, заставляет возвращаться в странный мир видений, неведомых в натуре представлений, окунаться в пучину переживаний, переворачивающих укоренившийся рационализм и терзающих то сладко и радостно, то горько и надсадно сердце и душу? И каков собой пусковой механизм, побуждающий нас погружаться в подобные волнения, терзания, страсти? Опять же не знаю, но уверен, что впервые испытал эти ощущения, слушая Вторую венгерскую рапсодию Листа. Покажется странным, если не нарочитым – позёрством, что ли, но каждый раз, заслышав вступительные аккорды рапсодии, в буйстве струнных инструментов передо мной или, возможно, в подсознании – не скажу точно где – возникают одни и те же видения...

Тьма окутывает венгерскую равнину – пушту. Странно: я убеждён, что это именно венгерская пушта, хотя никогда там не был. Еле брезжит мгlistый, серый рассвет, и – тишина. Всё происходит на фоне тревожной экспрессивной музыки, но парадоксальным образом только усиливает почти физическое восприятие тишины и не удивляет, а принимается как нечто естественное, само собой разумеющееся.

Вот в такт музыке сквозь мглу проявляются неясные силуэты. Они едва видны. Их много. Это ряды всадников. Они движутся в порывистом ритме музыки, кружась в каком-то мистическом танце, ритуальном хороводе или, скорее, в грозном и мрачном порыве, неуклонно приближаясь к нам, надвигаясь и даже мчась на нас.

Теперь они различимы. Да это же венгерские гусары! Я узнаю их амуницию, их вооружение. В вихревом ритме скрипок мне слышен топот и храп их коней, звон их оружия. Конечно же, это мчится венгерская кавалерия!

Но почему так приглушенно и вместе с тем напряжённо и тревожно звучит музыка? Почему так темна пушта? Почему в неукротимом порыве оркестра нет радости и задора бешеной скачки? Почему вопреки безудержному потоку музыки всадники и кони кажутся какими-то мрачными, тяжёлыми, застывшими, что ли? Ба!.. Они – призраки! Красивы, но призрачны ряды боевых коней, призрачны отважные всадники. Да, это погибшие за свободу Венгрии бойцы разгромленной революции 1848 года, соратники Кошута и Петефи. Мрачно, страшно и неудержимо их кружение, как напоминание, как боль, пронзающая

WORT СЛОВО מילה

каждое сочувствующее им сердце. Боль нарастает, усиливается, разгорается, и вместе с ней на венгерскую пуштуру звуки оркестра несут свет и пробуждение, свет и пробуждение.

На равнине светло, солнечно. Ярко играют краски. Вихрь музыки воскрешает бойцов и коней. Как прекрасно, как необоримо их движение! Как упоительна, как победоносна их скачка! Стремительный поток звуков вовлекает людей и коней в буйный, безудержный хоровод. Но ведь это же танец – гордый, искромётный чардаш победы.

Победа!!! Скоро будет победа!! Вот она, тут, рядом! Близка. Будет...

Ан, нет торжества в звучании оркестра. Гаснет радость. Тускнеет свет. Пуштура опять погружается во тьму. И уже ясно, что победы нет и не будет. Победа упущена. По тёмной, мрачной пуштуре тяжело движется конница призраков, бойцов, погибших за венгерский народ, за обновление страны, за независимость Венгрии. Они удаляются, удаляются, удаляются. Исчезают.

Мрак. Всё кончено...

Я сижу опустошённый. Где-то там, вовне, рукоплещет зал. Ярко загораются огромные люстры, как будто их сверкающий хрусталь вобрал в себя всё звучание оркестра. Мне кажется, что в них притаились картины музыкальной драмы, непередаваемо властно овладевшей моим воображением. Кланяется Рахлин, одетый в чёрную фракную пару, словно всем своим видом подчёркивая трагичность отзвучавшей музыки. В такт шквалу аплодисментов вибрируют смычки затянутых в чёрное оркестрантов. А я не могу отрешиться от видения торжества и разгрома очередного порыва к свободе, к свету, к счастью.

Ох, Ференц Лист! Зачем вывернул мою душу?!

Ференц Лист
Ferenc Liszt

Генриетта Ляховицкая

СИМФОНИЯ

Мгновенными ветвями
мощных молний
покров из туч гремящих
прорастал,
кипящий ливень звуков
воздух полнил!
Вдруг прекратилось всё,
и ясный, как кристалл,
в оправе радуги
омытый мир блистал.

Берлин

Genrietta Liakhovitskaia

SYMPHONIE

Zuckende Äste
der mächtigen Blitze
durchbrachen donnernd
die Wolkendecke,
des tosenden Regens Töne
erfüllten die Luft!
Plötzlich hörte alles auf,
und klar, wie Kristall,
glänzte im Regenbogen
die gereinigte Welt.

Übersetzung von Karin Hoffmann
Berlin

מילה בִּסְלוֹבִי WORT

